СУДЬБА СТАРОГО КУКОЛЬНИКА

Куклы всю жизнь создавали и создают взрослые. Но ремесло это дается не каждому. Только тем, в душе которых живет детское удивление перед миром и страсть его воссоздавать. Вот я — а вот моя модель. Она движется, говорит и действует совсем, как я.

В этом есть неповторимая озорная радость...

Он создавал куклы всю свою жизнь. Уже скоро сорок лет, как его нет, а его куклы жинут, движутся и действуют так, как он их однажды заставил. Детей от этих кукол не оторвать, они готовы смотреть на них часами. И взрослые — тоже.

Сорок девять кукол плотно разместились на большом столе. Каждая из них занята своим делом: обедают, ткнут холсты, прядут нитки, строят дом, куют, шьют сапоги, косят. Они рассказывают о трудовом дне дореволюционной крестьянской семьи. Ни одна из них не похожа на другую. У каждой свое лицо и, если хотите, свой характер.

Вот собралась за обедом семья. Хозяин дома — степенный крепныш. Старшего сына вы узнаете не только по тому, что его место рядом с отцом. Он по всему виду — старший, одет щеголевато и может позволить себе за чаем трубку. Озабоченная, с сетью морщин на лбу, мать этого большого семейства. На коленях у нее самый младший. Он еще не ест самостоятельно.

Но главное чудо — впереди. Вот чуть слышно заработал моторчик, и все сорок девять членов крестьянской общины задвигались, занялись делом. Хозяин дома поднял ложку, и на него посмотрели все сидящие за столом — по старому крестьянскому обычаю никто не начинает есть прежде главы семьи. Но вот и можно, разрешение получено. Хозяйка принялась кормить младенца, покачивая его при этом на колене. А он — ребенок есть ребенок — успевает еще трасти свою погрешку. Они не просто обедают — делается вы вдруг открытие. Они еще и общаются за столом. Вот средний сын повернулся к старшему, что-то сказал и тот кивнул в ответ.

Но посмотрим, что делают в это время остальные. Один из строителей дома орудует стамеской. Стукнул по ней деревянным молотком и сделал чуть заметное движение, отбрасывая осколок дерева. Он сосредоточен и экономен в движениях, точь-в-точь, как настоящий

цотник. Несколько человек (даже не хочется называть их куклами) молотят хлеб. А чуть поодаль на снопах сидят двое: дивчина с граблями в руках и молодецкая щеголь с папирсой — видно, хозяйский сынок. Любезничает. Время от времени похлопывает дичину по плечу, а та в смущении постукивает ботиночком о грабли. Сколько в этом озорной наблюдательности!

Кузнецам не до озорства, успевай разворачиваться. Вы слышите деловитое постукивание молотков. Старый мастер, серьезный, усадый, строг в деле. Железо остывает. Он берет его щипцами и переносит в горн, и тут подматерью, до этого прохладящемся, только успевай качать меха. Неужели вместе с ними вам не стало жарко у этого выложенного красным кирпичом горна? И если вам в сотый раз скажут, что все это (и мастера, и горн) из дерева, вы все равно почувствуете крепость и надежность красного «кирпича», удерживающего огонь горна.

Эти куклы прожили большую, полную приключений жизнь, прежде чем поступили на службу в областной театр кукол на радость его маленьким зрителям. До революции они обзвездили со своим создателем и хозяином, уральским крестьянином Алексеем Антоновичем Морозовым чуть ли не всю Россию. Они удивляли тогдашних жителей столицы и жителей Челябинска, Уфы, Омска, Нижнего Новгорода, Казани. Ярмарочные затейники, которых в те годы было в изобилии, знали: где Морозов со своими куклами, другим делать нечего.

В 1923 году, когда была организована в Москве первая сельскохозяйственная выставка, выставком, пропущив о Морозове, пригласил его принять участие в выставке. Главный выставочный комитет присудил ему тогда Диплом второй степени.

Вернувшись из Москвы, Алексей Антонович задумал создать вторую серию кукол, современных, рассказывающих о колхозной жизни крестьян. Он заготовил эскизы. День в правлении колхоза: технический секретарь за пишущей машинкой, председатель теорит по телефону, бухгалтер считает на счетах. Эскизы и сейчас живы, их хранит сын Морозова Василий Алексеевич.

Из новой задумки мастер-кукольник успел создать только трактор. Он шел «по

полю», оставляя за собой пласты вспаханной земли...

Но и то, что осталось после него, — уникально.

В кукольном театре говорят: «Впечатление такое, словно куклы запрограммированы». Малограмотный крестьянин, их создатель, и не слышал этого слова — запрограммированы. Он работал, полагаясь на свою смекалку. Сам Морозов называл свой аппарат «живым деревом». Он любил этот податливый материал и словно задался целью использовать только его. Из дерева и сами куклы, и весь механизм, приводящий их в такое сложное, уникальное, увлекательное движение.

Страшно подумать, что все это могло не сохраниться. Более тридцати лет пролежали куклы в разобранном виде в чулане дома на улице Робеспьера. Кукло Морозова вернул к жизни случай.

Когда-то его сын, Василий Алексеевич, работал шофером в областном драматическом театре. Там же работал Архип Никитич Никитин, отец главного режиссера областного кукольного театра. Как-то они разговорились о старом и неуважаемом искусстве кукольников. Так сначала Никитин-старший, а потом и Никитин-младший узнали о когда-то широкоизвестных куклах Морозова. Их распаквали, собрали. Посмотреть на них приехал весь коллектив театра. Удивлялись, восхищались и решили непременно вернуть их к жизни. Так появился этот «театр в театре».

Кем он был, Алексей Антонович Морозов, художник, механик? И тем, и другим. Но прежде всего — человеком беспокойной, изобретательной мысли, умеющим по-детски удивляться миру. В семье Морозовых до сих пор помнят его бессонные ночи, проведенные над куклами: он их ремонтировал, совершенствовал, придумывал новые. Это был щедрым на выдумки человек. В молодости он сделал «ветронат» — занятную тележку с крыльями, которая двигалась при ветреной погоде. Он перекатал на ней всю свою деревню. Сколько радости принес он тогда деревенским ребятишкам.

От той радости до сегодняшней, которой одаривают его куклы тысячи ульяновских мальчишек и девочек, полвека, если не больше.

Н. КОЛДИНА.